

REFERENCES

1. Barkov A. V. On the social significance and relevance of legalization of the definition «social entrepreneurship» in the Russian legislation (expert's opinion) // Economics. Enterprise. Environment. (EPOS). 2015. No. 1 (61). P. 67.
2. Grishina Ya. S. Innovative legal regulation of supporting social entrepreneurship in the sphere of medium-sized and small business // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2014. No. 3 (2). P. 63.
3. Stagnieva Yu. I. State support of development of social entrepreneurship in Russia // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2015. No. 1. P. 323–325.
4. Neklyudov V. S. KlyuevaYu. S. Peculiarities of development of social entrepreneurship in Russia // Bulletin of the Nizhny Novgorod Institute of Management, RANHiGS. 2016. No. 1. P. 43.
5. Khetagurova Yu. A. Functioning of social entrepreneurship on the basis of public-private partnership // Topical issues of modern science. 2015. No. 39. P. 240–247.
6. Yudin N. S. Prospects of adaptation of foreign experience of supporting small business // Socio-economic phenomena and processes. 2014. No. 12. P. 211–212.
7. Grishina Ya. S. On support of small and medium-sized businesses in the field of social entrepreneurship: the expert's opinion on the merits and demerits of the bill draft // Economics. Enterprise. Environment. (EPOS). 2015. No. 1 (61). P. 73.
8. Chechina V. A. Measures of financial support of small business in the social sphere as a condition for development and improvement of the financial policy of the Russian Federation at the present stage // Bulletin of Young Scientists of SGEU. 2015. No. 2. P. 192–197.

Как цитировать статью: Калиниченко Д. В. Правовые средства поддержки и развития социального предпринимательства в Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 2 (39). С. 259–262.

For citation: Kalinichenko D. V. Legal arrangements for support and development of social entrepreneurship in the Russian Federation // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2017. No. 2 (39). P. 259–262.

УДК 347.1
ББК 67.3(0)41

Pimenova Anna Igorevna,
post-graduate student of the department of civil law
of Volgograd Business Institute,
assistant judge of the Regional Court of Volgograd,
Volgograd,
e-mail: mai7061987@mail.ru

Пименова Анна Игоревна,
аспирант кафедры гражданского права
Волгоградского института бизнеса,
помощник судьи Волгоградского областного суда,
г. Волгоград,
e-mail: mai7061987@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ «ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ» В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

FORMATION OF THE CATEGORY OF «GOOD FAITH» IN EUROPEAN LAW: HISTORY AND MODERNITY

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law

В статье автором изучается эволюция категории «добросовестность» в зарубежном праве. Автор осуществил краткий исторический экскурс по европейскому праву, анализируя происхождение категории «добросовестность», ее развитие, а также значение и роль в современном европейском праве. Дается анализ законодательства Рима, Франции, Германии, Италии, Англии с точки зрения развития добросовестности в праве. В статье выделяется два вида понимания добросовестности: добросовестность в ее субъективном смысле и в объективном. Кроме того, производится сравнительный анализ категории «добросовестность» в различных правовых семьях Европы.

The article examines evolution of the category of good faith in foreign law. The author performed brief historical digression in the European law analyzing the origin of the category of good faith, its development, as well as its the importance

and value in modern European law. The author analyzes the legislation of Rome, France, Germany, Italy, and England from the point of view of development of the good faith in the law. Two meanings of the good faith are distinguished in the article: the good faith in its subjective meaning and in its objective meaning. Besides, the good faith is compared in different European legal families.

Ключевые слова: добросовестность, добросовестный приобретатель, справедливость, заключение договора, субъективный смысл, объективный смысл, европейское право, правовая доктрина, злоупотребление, прецедентное право, закон, судья.

Keywords: good faith, bona fide purchaser, fairness, execution of a contract, subjective meaning, objective meaning, European law, legal doctrine, abuse, case law, law, judge.

Категория «добросовестность» не является новеллой для Европейского права. В рамках Европейских национально-правовых систем было издано множество монографий и статей по применению принципа добросовестности, вместе с тем единый подход к понятию и применению данного принципа отсутствует, поскольку в каждой стране существуют свои механизмы и институты правовых систем, которые формировались на протяжении длительного периода времени под влиянием различных факторов.

На сегодняшний день **актуальность** исследования категории «добросовестность» неоспорима, поскольку отсутствует изучение природы права и механизма его действия на ранних стадиях развития истории.

Кроме того, стремительное развитие торговых связей и рыночного общества требует должного регулирования договорных отношений. В настоящее время категория «добросовестность» становится наднациональной, ввиду чего мы наблюдаем огромное количество исследований, посвященных данной категории.

Впервые в данной статье исследуется историческое развитие категории «добросовестность» в странах Европы, начиная с эпохи римского права и заканчивая западноевропейскими правовыми системами. Кроме того, сформулированы основные характеристики добросовестности и ее критерии, определено значение категории «добросовестность» для регулирования гражданских правоотношений.

Цель данного исследования — многогранное изучение категории «добросовестность» в гражданском праве стран Европы путем анализа научной литературы и изучения судебной практики.

Историческое развитие категории «добросовестность», определение смысла добросовестности в странах Европы и применение категории «добросовестность» во взаимосвязи с национальными системами Европейских стран являются основными **задачами** данного исследования.

Римское право является основателем большинства основных юридических институтов, категорий, терминов и значений. Считается, что научные представления о категории «добросовестность» также зародились в римском праве, поскольку указание на возникновение добросовестности приравнивается к возникновению *bona fides*. Термин «*fides*» в Риме понимался, прежде всего, как вера, доверие, вера в честное слово, вера в себя, верность.

В праве Рима существовала категория договоров, в отношении которых при возникновении спора судья судил не столько по закону, сколько руководствуясь требованиями «доброй совести» того времени. Римские юристы отмечали, что объем ответственности добросовестного незаконного владельца перед собственником имущества подлежит уменьшению, а добросовестное поведение субъекта в обязательственных отношениях требуется поощрить и защитить.

При исследовании древнеримской юридической терминологии юрист М. Бартошек трактует понятия «*bona fides*», «*fides*» (перевод с лат. — доверие, верность, вера) как «... доверие к чужой честности и собственная честность, верность данному слову, нравственная обязанность всех людей... в чем бы свое обязательство ни выражалось, выполнять его». «...*Fides* как строгую связанность собственным заявлением и взаимное доверие договорных сторон обозначали, как правило — «*bona fides*» [1]. М. Бартошек считает, что в праве Древнего Рима оба термина имели равное значение и общий антоним — «*mala fides*» (перевод с лат. — близкий к обману).

Существовало несколько аспектов рассмотрения римской *bona fides*: 1) как отсутствие умысла со стороны действующего лица; 2) как общий принцип частного права, который применяется отдельно в каждом конкретном случае и позволяет развивать и дополнять гражданское право; 3) как обязанность лица выполнять данное им обещание и взятые на себя обязательства.

Как одно из оснований для разрешения споров *bona fides* зародилось во второй половине II в. до н. э. и потеряло свое антецедентное значение в конце классического периода, когда нашел свое закрепление преторский эдикт Юлиана.

Во времена республики наличие *bona fides* учитывалось в следующих категориях договоров: договоры купли-продажи, найма, ведения чужих дел (без поручения), поручения, поклажи и товарищества. Договор товарищества (лат. *societas*), являющийся одним из контрактов *bona fidei*, в котором отношения между товарищами должны были основываться на доверии и справедливости. В случае нарушения фидуциарных (лат. *fiducia*) связей товарищей, то есть отступления от принципа *bona fides*, против нарушителя вчинялся иск (лат. *actio pro socio*), что также влекло для него такое правовое последствие, как *infamia* (перевод с лат. — бесчестье).

При несоблюдении необходимых формальностей, в случае совершения договора купли-продажи на приобретение конкретной вещи, договор не мог быть основанием для «перенесения» квинтиской собственности на покупателя, таким образом, вещь могла быть истребована недобросовестным продавцом. Особая преторская защита применялась для защиты добросовестных покупателей от недобросовестных продавцов. В подобных моментах покупателя мог защитить только претор посредством отказа недобросовестному продавцу в выдаче формулы иска, которая была необходима для защиты его квинтиского права.

В договоре поручения мандант (лат. *mandatum*) был обязан возместить мандатарю все добросовестно и разумно совершенные им затраты и в том случае, когда они не привели к ожидаемому результату, даже если сам мандант был бы экономнее в расходах. В случае превышения мандатарием своих полномочий, его требования о возмещении издержек ограничивались рамками данных ему полномочий.

Указанные договоры относились к группе договоров, защищаемых особыми исками *bonae fidei*, которые позволяли судье разрешать дело по совести и по внутреннему убеждению, не будучи ограниченным буквой договора, и принимать во внимание обстоятельства дела, прямо не следующие из обязательства, а вытекающие из понятий справедливости и «доброй веры» [2]. При рассмотрении споров, вытекающих из таких договоров, судья руководствовался принципом «доброй совести» и выяснял действительную волю сторон.

В гражданском праве Рима имела место двойственная природа понятия добросовестности. Эта категория рассматривалась как объективная категория, некий стандарт и требование к поведению участников правоотношений и как субъективная категория, — когда субъект заблуждается в отношении обстоятельств, которые имеют значение для приобретения права.

Последующее развитие «доброй совести» получила в период средневековья в странах романо-германской правовой системы, где юристы продолжительный период

времени находились под влиянием римского права. При формировании и применении положений о добросовестности они, в случае ненадлежащего исполнения условий договора, исходили из обстоятельств конкретного спора, где добросовестность означала держать слово, а также уважать обязательства, избегать обмана и хитрости [3].

Изначальное представление о добросовестности впервые появилось в период позднего Средневековья, оно было разработано итальянским юристом, профессором из Флоренции, комментатором римского права, учеником Бартоло и одним из видных судей в городах Северной Италии Б. де Убалдисом и позднее было закреплено в Гражданском кодексе Франции (далее — ГК Франции) в 1804 году, именуемом также «Кодекс Наполеона», который представлял собой пример масштабной кодификации гражданского права. Кодекс Наполеона явился мощным толчком для последующего кодификационного процесса во многих странах мира.

Ст. 6 ГК Франции установлено, что не допустимо нарушать закон частными соглашениями, которые затрагивают общественный порядок и добрые нравы. Согласно п. 3 ст. 1134 ГК Франции договоры должны исполняться по доброй совести, ст. 2265 ГК Франции определено: «... тот, кто приобретает добросовестно, в соответствии с надлежащими основаниями недвижимость, тот приобретает собственность после истечения 10-летней давности, если реальный собственник проживает в округе апелляционного суда, где находится недвижимость, и после истечения 20-летней давности, если у него имеется место жительства вне этого округа», а по смыслу ст. 1135 ГК Франции договор обязывает ко всем последствиям, которые справедливость привносит в обязательство по своей природе [4].

В остальном Кодекс Наполеона не содержит иных прямых указаний на принцип добросовестности. Однако французские ученые-правоведы значительно расширяют условия применения *bonne foi*, что в переводе с французского означает «добрая совесть»:

— стороны должны поступать добросовестно при составлении договора, то есть при заключении договора свобода каждой из сторон ограничивается принципом добросовестности;

— в исполнении договорных обязательств.

При этом можно увидеть, по крайней мере, две области применения принципа добросовестности: требование сотрудничества и доблести обязательство.

Требование доблести обязательство, согласно Декартовской традиции, разделяется на две составляющие: обязательства средств (фр. *obligation de moyens*) и обязательства результата (фр. *obligation de resultat*). Когда речь идет об обязательствах результата, должник (фр. *debiteur*) должен точно знать, что ему необходимо исполнить (в соответствии с соглашением сторон), в то же время кредитору (фр. *creancier*) необходимо избегать любых действий, которые препятствуют исполнению обязательства. Если вести речь об обязательствах средств (фр. *obligation de moyens*), то на должнике лежит обязанность завершить исполнение принятого обязательства, действуя согласно принципу «*bonus pater familias*» (перевод с лат. — хороший отец семейства), с должной заботой и рвением; в свою очередь, требование сотрудничества подразделяется на две составляющие: *uberrimae fidei* (перевод с лат. — величайшая добропорядочность — применяется в договорах

партнерства, трудовых договорах, договорах страхования) и обязанность раскрытия информации (обязательство преддоговорного информирования) [5].

Во французском праве у судей существует особое отношение к применению категории «справедливость» (фр. *valeurs d'equite*), в связи с чем ограничивается применение принципа *bonne foi*, несмотря на его доктринальное подкрепление и обоснование.

В целом добросовестность в правовой доктрине Франции рассматривается как основание для ограничения свободы договора. Принцип добросовестности доктринально закреплён. Французская правовая традиция понимает добросовестность как вид открытой нормы, стремясь ограничить ее применение [6].

Теперь стоит обратиться к другому государству — представителю романо-германской правовой системы — Германии, где принцип добросовестности и его развитие имеет свои особенности и отличительные черты относительно Франции.

Первого июля 1896 года принимается Общегерманское гражданское уложение (далее — ГГУ), по смыслу § 242 которого должник обязан осуществлять исполнение таким видом, который требуется добросовестностью, учитывая обычаи оборота.

Принятие данного нормативно-правового акта повлекло за собой возникновение критики относительно появления моральной категории справедливости в ранее установленных правовых принципах. Широкое толкование § 242 ГГУ позволило преобразовать данную норму в одну из «общих оговорок» и стало основой «прецедентной» революции [7].

Норма § 242 ГГУ использовалась скорее для смягчения строгого индивидуализма договорного права ГГУ и могла изменять действие любого законодательного положения. На основании § 242 ГГУ судами Германии были разработаны новые институты и созданы обязательства, которые обеспечивали правила о лояльности исполнения договора. И все же, в настоящее время суды ограничены принципом *Treu und Glaube*, который не позволяет им в полной мере вводить идею справедливости [4]. Таким образом, действия договора и/или законодательного положения имеют приоритетное значение для суда, который не может заменить их, даже если считает какое-либо завершение процесса более честным и справедливым.

В немецком праве добросовестность является общим стандартом действий и поведения именно в смысле § 242 ГГУ. Данная норма распространяется на все правоотношения, а не только на обязательственное право. В немецкой судебной практике категория «добросовестность», оставаясь в настоящее время в строгих рамках закона и договора, в судебной практике вышла за пределы закрепившей его правовой нормы.

Немецкая доктрина выделяет два вида «добросовестности»:

— добросовестность в ее субъективном смысле (нем. *guter Glaube*);

— добросовестность в ее объективном смысле (нем. *Treu und Glaube*).

Установление такого понятия добросовестности характерно для немецких ученых-цивилистов, кроме того, можно выявить его соответствие двум способам (объективному и субъективному) понимания добросовестности в праве Рима [6].

Субъективная добросовестность — это отношение лица к конкретным юридическим фактам. Наглядным примером субъективной добросовестности служит понятие «добросовестный приобретатель», когда лицо знало, что вещь, которую он приобрел, могла или не могла быть отчуждаема. При этом лицо, к которому применимо понятие добросовестности в ее субъективной форме, ведет себя обычным образом, действуя как обычный участник гражданского оборота. При этом добросовестный приобретатель формально не является законным приобретателем в силу норм права. Он имеет определенное преимущество перед другими незаконными приобретателями, поскольку приобретение им вещи было продиктовано благими намерениями.

Объективная добросовестность представляет собой взгляд на отношения субъектов права со стороны. «...Некий стандарт поведения, которому должно отвечать поведение стороны, и в соответствии с которым оно должно быть судимо» [6].

Добросовестное поведение с объективной точки зрения — это естественное поведение приобретателя вещи без выраженной направленности, действующего добросовестно в рамках своего права и вне их. При этом в любой ситуации поведение добросовестного приобретателя предполагает отсутствие злого умысла и причинения вреда второй стороне сделки.

Немецкие ученые правоведы считают, что добросовестность как принцип права должна быть объектом охраны, в связи с чем во избежание судебных ошибок и для большей защищенности сторон при исполнении договора определяют ряд ситуаций, когда добросовестность подлежит охране: 1) вспомогательные договорные обязанности (обязанность информирования, защиты, надлежащего исполнения); 2) необходимость замечания (оговорки) о неизменных обстоятельствах; 3) отсутствие злоупотребления правом и допущения молчаливого отказа [5].

Гражданское законодательство Италии формировалось под значительным влиянием немецкого прецедентного права.

Итальянский гражданский кодекс 1942 года (ИГК, *Codice civile Italiano*) был написан в период, когда итальянские ученые уже имели достаточно данных о германских прецедентах, связанных с применением ст. 242 ГКГ. Из этого следует, что значимость добросовестности в договорных отношениях была выдвинута на первый план сразу в нескольких статьях в итальянском Кодексе.

Например, в ст. 1175 указано, что «...Должник и кредитор должны вести себя в соответствии с правилами честного сотрудничества (корпоративной солидарности)»; ст. 1366 определено, что «...Договоры должны трактоваться (интерпретироваться) добросовестно»; в ст. 1337 — «...Стороны должны вести себя добросовестно во время преддоговорного периода и подписания контракта», в ст. 1375 указано: «...Договор должен быть выполнен добросовестно».

Современная итальянская школа договорного права (после Кодекса 1942 года) пошла по другому пути и указала на то, что при заключении договора не требуется обязательное наличие фактического и субъективного соответствия воли сторон. Были приняты положения теории, которая отставляет право сторон на разумные ожидания в соответствии с предварительными договоренностями и ранее данными обещаниями [5].

В соответствии со ст. 1337 «...Стороны должны вести себя добросовестно во время преддоговорного периода и подписания контракта» принцип *buona fede* толковался учеными как синоним немецкого *Treu und Glaube*. Хотя прецедентное право Италии ссылается на то, что при вступлении сторон в переговоры должен быть соблюден принцип свободы договора.

Согласно позиции Верховного кассационного суда (итал. *Corte Suprema di Cassazione*) до начала 70-х годов XX века добросовестность не являлась самостоятельным основанием для судебных исков. Соответствующие статьи должны были использоваться судами только для обеспечения защиты установленного субъективного права. Научные споры повлияли на признание в конце семидесятых в судебном праве принципа *buona fede* как самостоятельного основания для иска, между тем он применялся судами только в некоторых категориях дел, таких как забастовки, дела, связанные с трудовыми договорными отношениями и др.

Нарушение ст. 1375 Гражданского кодекса было признано в решении Миланского апелляционного суда от 1975 года как самостоятельное основание для подачи иска о нарушении законных прав [5].

Между тем итальянские ученые скептически относятся к практике применения принципа добросовестности судами, так как это расширяет сферу судебного усмотрения и дает судьям слишком широкие распорядительные полномочия.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что влияние немецкого и французского права, судебной практики этих стран привело к культурному противоречию между правовой доктриной и практикой в Италии, что является значительной проблемой в настоящее время.

Англия является единственной страной в европейском континенте, которая не признает общее действие принципа добросовестности.

Однако исторически принцип «good faith» был признан Английским торговым правом в течение длительного периода времени вплоть до изъятия в XVIII столетии из компетенции Адмиралтейства вопросов судопроизводства по морским делам.

В процессе принятия судебного закона в 1873 году большинство судей признали, что доктрина «добросовестности» является слишком сложной для понимания и формального закрепления [6].

В настоящий момент английское право применяет иногда негативные меры к лицам, которые действуют недобросовестно, вместе с тем не признает «добросовестность» как вид открытой нормы.

Существует несколько ситуаций, в которых английские юристы обращаются к принципу добросовестности, как описывает Джейн Стэплтон: 1) нечестное поведение лица; 2) нарушение обещания лица; 3) использование доминирующего положения лицом.

Английские юристы верят в необходимость существования положений в праве, которые ограничивают злоупотребление личными интересами участников договорных отношений, несмотря на то что не любят упоминать добросовестность как общий принцип права, поскольку считают, что он может повлиять на выносимые судебные решения, выводы которых будут непредвиденными.

Исходя из вышеуказанного, можно сделать **вывод** о том, что римское право оказало неоценимое влияние на современные юридические институты, в частности на становление принципа добросовестности. Добросовестность, общие черты которой были сформированы в римском праве, была востребована юриспруденцией и в последующем.

Добросовестность как явление юридической жизни стала наделяться двумя взаимосвязанными характеристиками:

— субъективным элементом (поведение участника правоотношения, которое характеризуется знанием или незнанием каких-либо юридически значимых фактов);

— объективным элементом (соотнесение добросовестности со справедливостью).

В связи с нарастающим торговым оборотом и изменением сути экономических отношений у каждого из этих элементов появились территориальные особенности их применения.

Изучение права современных европейских государств позволяет установить, что в каждой стране Европы сфера действия принципа добросовестности, его доктринальное толкование и практика правоприменения строго индивидуальны и имеют свои особенности. Минималистическое представление категории «добросовестность» представлено в континентально-правовой семье (правовой семье гражданского права) французскими судами, которые не полагаются на *bonne foi* в той же степени, как это делают судьи Германии и Италии.

Принцип добросовестности является одним из основных принципов как российского, так и международного права [8]. Таким образом, важность его исследования заключается в том, что в европейском праве он применяется при регулировании вопросов, возникающих между сторонами при применении условий договоров и исполнении обязательств, а также при регулировании специальных договорных отношений, как специальный принцип договорного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бартошек М. Римское право. Понятие, термины, определения. М., 1999. 120 с.
2. Косарев А. И. Римское право / отв. ред. Е. А. Скрипилев. М. : Юрид. лит., 1986. 160 с.
3. Пахман С. В. Учебник пандектного права. Т. 1. СПб. : Нева, 1994. 300 с.
4. Курбонов К. Ш. Обзор подходов к определению категории добросовестность в гражданском праве // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 1. С. 101–110.
5. Поляков М. А. Развитие принципа добросовестности в праве европейских государств в период от Средневековья до современности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 18. С. 202–206.
6. Якубчик М. М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом // Журнал российского права. 2012. № 10 (190). С. 107–115.
7. Трунк А. Добросовестность как общий принцип гражданского права: некоторые сравнительно-правовые замечания // Гражданское право и гражданское законодательство: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной юбилею Гражданского кодекса Республики Казахстан (15-летию Общей части и 10-летию Особенной части) (Алматы, 13–14 мая 2009 г.) / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы : НИИ частного права КазГЮУ, 2009.
8. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А. Гражданское право России. Общая часть: учебник для бакалавров / под общ. ред. А. Я. Рыженкова. 3-е изд, перераб и доп. М. : Юрайт, 2014. 504 с.

REFERENCES

1. Bartoshek M. Roman law. Concept, terms, definitions. M., 1999. 120 p.
2. Kosarev A. I. Roman law / editor-in-chief E. A. Schepelev. M. : Legal literature, 1986. 160 p.
3. Pakhman S. V. Textbook of the law of pandects. T. 1. SPb. : Neva, 1994. 300 p.
4. Kurbonov K. S. Review of approaches to definition of good faith in civil law // Legal science: history and modernity. 2016. No. 1. P. 101–110.
5. Polyakov M. A. Development of the principle of good faith in the law of the European States in the period from the middle Ages to the present // Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia. 2012. No. 18. P. 202–206.
6. Jakubczyk M. M. Complex concept of integrity: correlation with the doctrine of abuse of law // Journal of Russian law. 2012. No. 10 (190). P. 107–115.
7. Trunk A. The good faith as a General principle of civil law: some comparative legal comments // Civil law and the civil law: Materials of international scientific-practical conference dedicated to the anniversary of the Civil code of the Republic of Kazakhstan (15-letwaba part and the 10th anniversary of the Special part) (Almaty, 13–14 may 2009) / editor-in-chief by M. K. Suleimenov. Almaty : Research Institute of private law of KazGYUU, 2009.
8. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. Y., Charkin S. A. Civil law of Russia. General part: textbook for students / edited by A. Y. Ryzhenkov. 3rd edition, revised and amended. M. : Yurait, 2014. 504 p.

Как цитировать статью: Пименова А. И. Формирование категории «добросовестность» в Европейском праве: история и современность // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 2 (39). С. 262–266.

For citation: Pimenova A. I. Formation of the category of «good faith» in European law: history and modernity // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2017. No. 2 (39). P. 262–266.